

Что делать нам со спящими богами?
Молиться, чтоб такими и остались.



ДРЕВНИЙ БЕССМЕРТНЫЙ ДВОР

Вейл, воитель — король фейри

Айри, дева — богиня добродетели

Артэйн, лучник — бог охоты

Солена, дикарка — богиня природы

Поплин, мошенник — бог удовольствия

Мерик, каратель — бог порядка

Фракия, читающая звезды — богиня ночи

Алиссанта, покровительница любви — богиня секса

Вудикс, жнец — бог смерти

Самар, повелитель солнца — бог дня

Глава 1

САБИНА

Дрожа от холодного утреннего воздуха во дворе отцовского дома, я чувствую себя практически голой в своем халате, но в любую минуту могу лишиться даже этого клочка шелка.

Я переминаюсь с ноги на ногу в весенней грязи, напряженно глядя на ворота в ожидании. Служанка подметает за мной парадную лестницу, делая вид, что сегодня такой же обыкновенный день, как и все остальные, и для нее, возможно, это так.

Но можно ли сказать то же про меня?

Сегодня все изменится. Сегодня я — невеста, проданная замуж.

В трех кварталах отсюда раздается звон церковного колокола. Каждый удар бьет прямо в грудь, как будто железная колотушка попадает точно в сердце. Бонг. Бонг. Бонг. Бонг. Дрожь пробирает до костей, пока я не начинаю сжимать ракушку, висящую на шнурке на моей шее, как защитный талисман.

Бонг. Бонг. Бонг. Бонг.

Восемь ударов — восемь часов утра. Именно в этот час мы должны выехать — так где же он?



Мягкие женские шаги скользят по грязи позади меня, и в следующее мгновение Сури кладет нежную руку мне на плечо, отчего я вздрагиваю.

— Он опаздывает, — хриплю я.

Она не отвечает, вместо этого проводит своей темно-коричневой рукой по толстой косе, петлей огибающей макушку моей головы и спускающейся по спине до самой земли. Прошлой ночью Сури целый час заплетала волосы в замысловатый узор, называемый «короной Бессмертных» в честь спящих богов. В разных регионах Астаньона божества носят разные имена. «Бессмертные» в столице, Старом Коросе. «Фейри» — на северо-востоке. «Боги» — на юге. Под каким бы именем они ни скрывались, легенда гласит, что тысячу лет назад они уснули в подземных царствах и проснутся, чтобы править миром людей. А пока мы храним память о них, подражая их моде: заплетаем сложные косы, подводим уголки глаз цветным карандашом и надеваем на уши золотые колпачки, чтобы их вершины выглядели заостренными.

Сегодня я выгляжу просто, ничего лишнего. Этого должно быть достаточно.

— Тебе так не терпится отправиться в путь? — удивляется она.

Я плотнее запахиваю халат на груди и обнимаю себя руками.

— Это жестоко — вдобавок ко всему заставлять меня ждать.

Но с другой стороны, что в этом дне может быть не жестоким? Предстоящая поездка и ее непристойные условия — само воплощение жестокости. Я знаю репутацию своего будущего мужа, и слово «жестокый» — одна из самых распространенных его характеристик; за ней

следуют «высокомерный», «неприлично богатый» и «такой же, как все остальные паршивцы из рода Вальвери».

Поневоле задумываешься о том, какой человек купил бы невесту только для того, чтобы потребовать от нее скакать голой через половину Астаньона к своему замку.

Если быть откровенной... Это явно *не* лучший способ начать брак.

— Может, его просто задержали?

Я фыркаю.

— Разве что на дне кружки с элем.

— Лорд Риан — влиятельный человек из семьи Вальвери, — щебечет Сури, и в ее голосе звучит наигранный оптимизм. — По богатству они уступают только королю. Поездка может быть сложной, но ты забудешь о трудностях, когда прибудешь в Дюрен. Твой муж завалит тебя подарками.

Миниатюрная симпатичная Сури с круглыми щеками и теплыми орехово-карими глазами относится к роли моей мачехи с комичной серьезностью, учитывая, что она старше меня всего на два года. Когда зимой она вышла замуж за моего отца, мне не разрешили покинуть монастырь, чтобы присутствовать на свадьбе. Я понятия не имела, что за женщина стала новой женой моего родителя, и не нашла в себе сил поинтересоваться этим; я решила, что меня все равно увезут из стен монастыря в дом моего нового мужа, едва я успею выразить новой «матери» свое почтение.

Меньше всего я ожидала, что буду обожать ее. Добрая, улыбчивая Сури. Я знаю ее всего три дня, и за это время она дважды успела довести меня до слез своей добротой. Первый раз — за ужином в вечер после возвра-



шения из монастыря, когда наклонилась ко мне, чтобы шепнуть, что у меня в зубах застрял кусочек шпината. Второй раз — когда она фыркнула после того, как я в лицо назвала отца *duette di marcer*, зная, что он не понимает ни слова на бессмертном языке.

За двенадцать лет, что я провела в монастыре Бессмертной Айри, никто ни разу не проверил мои зубы на наличие шпината. Должна признаться, я бы отдала все, чтобы попробовать шпинат вместо каши недельной давности. А доброта? Смех? Их не было, как и самих спящих богов.

А теперь Сури возится со мной, как курица-наседка.

— Ты дрожишь, — с укором замечает она.

Я невозмутимо отвечаю:

— А ведь я еще даже не раздета.

Парадная дверь нашего особняка распахивается, и мой отец, спотыкаясь, спускается по свежeweыметенной лестнице. Он проверяет карманные часы, затем хмуро смотрит на ворота внутреннего двора и рысью направляется к нам с Сури.

— Стража лорда Риана скоро будет здесь, — сообщает он нам. — Я не сомневаюсь.

— Может, он умер по дороге, — бормочу я себе под нос. — Остается только надеяться на это.

Щеки отца краснеют от ярости.

— Тебе двадцать два года, Сабина, — строго говорит он. — У тебя было больше свободы, чем у большинства девушек твоего возраста. Я мог бы заключить брачный контракт десять лет назад, и суд бы одобрил мое решение.

Я знаю, что в присутствии моего отца лучше не заикаться о «свободе», поэтому просто сжимаю губы, чтобы

скрыть свой гнев. Я не знаю ни одной девушки, которая назвала бы свободой последние двенадцать лет, проведенные в монастыре, где ее били и морили голодом сестры с сердцами черствыми, как засохшие лимоны.

— Двадцать один день. — Мой отец потирает руки, изображая веселье. — Поездка длится всего двадцать один день, в то время как солдаты маршируют месяцами.

— Да, но в одежде, — язвительно замечая я.

Как только я произношу эти слова, его губы дергаются, словно он хочет бросить мне в ответ какую-то фразу, но Сури кладет нежную руку на его плечо прежде, чем он успевает что-то сказать.

— Чарлин, — ласково просит она, — давай сохраним мир в последний день пребывания Сабины дома. — Она опускает длинные ресницы. Их брак еще так нов, а отец все еще так увлечен красивой молодой второй женой, что забывает о главной причине своего гнева.

— Лорд Риан установил правила поездки, — бормочет он, чтобы снять с себя часть вины. — Не я.

И все же ты не стал возражать.

Когда отец продал меня в качестве невесты лорду Риану Вальвери в обмен на погашение семейных долгов, я была последней, к чьему мнению бы прислушались. Действительно, зачем кому-то могло понадобиться привлекать меня к переговорам? С самого рождения я была лишь разменной монетой, которую бросали в руки влиятельных людей. Но почему из всех богатых лордов, которых мог выбрать мой горе-отец, выбор пал именно на Риана?

Лорд Риан, может быть, ужасно богат, но он и сам по себе ужасен. В мой первый день после выхода из монастыря Сури



шепнула мне, что он заслужил прозвище «Лорд лжецов», когда завладел принадлежащей его семье империей узаконенных пороков в Дюрене. Вальверы принадлежат все порочные заведения Западного Астаньона, от игорных притонов до борделей и ипподромов, и если слухи верны, члены этой семьи занимаются и незаконной деятельностью. Полагаю, для лорда Риана эта поездка — всего лишь очередная игра.

В каждой игре есть правила. Согласно договору, для помолвки от меня требовалось следующее:

Никакого платья.

Никакой сорочки.

Никаких туфель.

Чтобы почтить память богов, леди Сабина Дэрроу воссоздаст легендарную поездку Бессмертной Солены, проехав на лошади от Бремкота до Дюрена за двадцать один день, прикрываясь только волосами.

Я слишком хорошо знакома с историей, которой якобы посвящена эта поездка. У нас в монастыре была древняя, хорошо изученная копия «Книги Бессмертных». Я часами перелистывала сакральный текст, запоминая легендарные истории о каждом боге и краснея от провокационных иллюстраций. Там был Бессмертный Вейл, король фейри, который правил божественным двором с помощью железного кулака и загорелого прес-са. Бессмертный Поплин, бог наслаждения, изображался с нарядно одетыми женщинами, кормящими его вином. Бессмертная Алиссанта, богиня секса... Ее иллюстрация, дополненная спутанными конечностями многочисленных сексуальных партнеров в невозможных позах, вызывала у меня наибольшее любопытство.

Но одно из самых известных преданий в книге — о том, как Бессмертная Солена, богиня природы, празд-

нует свое предстоящее замужество, отправляясь голой на лошади в дом своего мужа, чтобы продемонстрировать свою обнаженную душу. На иллюстрации была изображена она, ее тело покрывали бессмертные линии фейри: светящиеся тускло-голубые отметины, которые проходят по конечностям и шеям богов.

«Я пришла к тебе не как богиня, а как женщина, — молвила она. — Я пришла такой, какой меня создала природа».

А что до мужчины, которого выбрал для меня отец? Очевидно, моему будущему мужу тоже нравится эта легенда. Или, по крайней мере, его заводит фантазия об обнаженной девушке, унижающейся перед ним.

И все же, несмотря на то что меня собираются провести голой через половину Астаньона, какая-то часть меня не теряет надежды. Возможно, это мираж, и мне стоит готовить себя к еще большему падению духа, но я, по крайней мере, наконец-то вырвалась из стен монастыря.

Этот маленький шанс на что-то лучшее помогает держать голову высоко поднятой.

Я тереблю ракушку на шнурке между большим и указательным пальцами, веря в его тайный завет. Над головой солнце вырывается из облаков и заливает нас светом, тепло которого доходит и до моего тела.

Однако в следующее мгновение в воротах появляется мужчина, и мой хрупкий лучик надежды растворяется, как утренний туман.

Он приближается, словно грозовая туча, обретшая плоть: волосы цвета полуночи, глаза прикрыты капюшоном, хмурый взгляд, говорящий о том, что он предпочел бы быть где угодно, только не здесь. Кто он такой, —



сомнений нет: на спине лук, на плечах кожаная пластина с гербом Вальвери.



Это было последнее правило в игре моего будущего мужа: *«Мой самый надежный страж будет сопровождать леди Сабину для ее безопасности»*.

Какая удача.

Стражник лорда Риана опускает на землю мешок и лук, а затем встает во весь рост, загораживая моего отца, который отнюдь не маленького роста. Плечи новоприбывшего настолько широкие, что рубашка едва не трещит по швам на его бицепсах, которые по толщине не уступают моему бедру. Его брови низко нависают над темными глазами, которые, по всей видимости, сверкают даже с другого конца двора. Его челюсть квадратная и симметричная, но на носу в нескольких местах есть вмятины, как будто от многократных переломов. Его волосы длиной до плеч похожи на вороново крыло. Он носит их распущенными, что совсем не соответствует моде, вдохновленной фейри.

Его вид поражает. Он — настоящий дикарь. И он неоспоримо великолепен.

И все же в голове крутится одна мысль: *«Они послали за мной зверя»*.

В брачном контракте лорд Риан назвал этого человека моим сопровождающим, но достаточно одного взгляда на громилу, чтобы понять: он — мой тюремщик. Его работа заключается не в том, чтобы обеспечить мою безопасность в дороге, а в том, чтобы не дать сбежать.

У меня кровь стынет в венах, когда он смотрит в нашу сторону и рывкает:

— Лорд Чарлин Дэрроу?

Мой отец вскакивает в ответ на зов и шагает вперед, словно школьник, а не привилегированный лорд-протектор Бремкота. Они обмениваются фразами, которых я не слышу, но у меня в ушах так гудит от огромного количества внутренних вопросов, что я чувствую себя осажденной тучей мошек.

Стоящая рядом со мной Сури проводит рукой по своему воротнику и оценивающе отмечает:

— Он просто огромный, не так ли?

Я фыркаю. Замужняя женщина не может так просто сказать вслух, что кто-то, кроме ее мужа, может сравниться с темным божеством.

— Я не знаю, — категорично произношу я. — Не так уж много мужчин бродило по монастырю.

Я замечаю движение в окнах передней части нашего особняка — оттуда группа служанок разглядывает охранныка Риана.

— Его зовут Вульф Боуборн¹, — заговорщицки шепчет Сури. — Один из гонцов нашей семьи знал его, когда мы жили в Баквене. Вульф служил семье Вальвери с тех пор, как осиротел. Уже в детстве он пробивал себе дорогу кулаками во время боевых игр. Семья Вальвери узнала о том, что он поцелован богами, и взяла его в охотники, после чего изменила ему имя на «Боуборн».

Ребенок в боевых играх? Я уверена, что это незаконно, но было бы наивно полагать, что такие вещи не происходят.

Поднялся ветер, заставляя мой халат развеиваться вокруг бедер. По коже пробегают мурашки, когда я расправляю шелковую ткань.

¹ В переводе с *англ.* дословно: имя — Волк, фамилия — Дитя лука.



Вульф Боуборн резко поворачивает голову в мою сторону, и все слова, которые он собирался сказать моему отцу, теряются в воздухе. Мужчина делает вдох, а затем его взгляд устремляется на меня.

Он впервые смотрит прямо на меня, и поскольку мои ноги обнажены до бедер, я ожидаю, что в его глазах появится вожделение. Но его взгляд говорит о другом. Его глаза пробегают по мне с ног до головы, словно я кобылка на аукционе и он хочет оценить, сколько проблем я могу принести.

Думаю, несмотря на обстоятельства, я бы все же предпочла вожделение.

— Он поцелован богами? — удивляюсь я.

Сури кивает:

— У него обостренные чувства, так люди говорят. Сначала он прославился в боях, а теперь — как охотник. — Ее взгляд опускается к моей родинке на груди, наполовину скрытой складками халата. — Вальвери любят окружать себя поцелованными богами людьми.

Чувствуя себя неловко, я сильнее запахиваю халат, чтобы он полностью скрыл мою метку. Боги фейри спят, но нити их магии остались в немногих из нас, которых называют поцелованными богами. Мы одарены талантами, выходящими за пределы человеческих возможностей. Никто не знает, кого боги благословят из своих дремотных снов, хотя у магии есть небольшая особенность передаваться по наследству. Но не в моем случае: ни один из моих родителей не был поцелован богами. Только после рождения ребенка по наличию или отсутствию родимого пятна можно судить о благосклонности богов. И только спустя много лет проявляется магическая природа способностей человека.

Сури снова глядит на Вульфа, как на изысканный десерт, и мне кажется, что она вот-вот оближет губы. Лицо ангела и тело зверя... Кажется, боги совершили преступление, наделив такого грубого человека небесной красотой.

Несмотря на мою настороженность, любопытство берет верх. Моя рука тянется к локону волос, выбившемуся из косы, и я начинаю накручивать его на мизинец. За последние двенадцать лет я почти не видела мужчин. Монастырем управляли пожилые женщины, давшие обет целомудрия, поэтому они редко говорили о противоположном поле.

Все ли мужчины настолько... впечатляющие?

Я с трудом сглатываю.

Вульф снова бросает резкий взгляд в мою сторону, и я ошеломленно смотрю на него.

Он слышал, как я сглотнула?

Мужчина бросает несколько прощальных слов моему отцу, а затем идет через двор в мою сторону. Я чувствую, как съеживаюсь, несмотря на свою решимость стоять, расправив плечи. Охотник движется с какой-то тяжелой грацией, хотя одно плечо выглядит скованно, словно старая травма все еще не дает ему покоя. Его сапоги с хлюпаньем останавливаются в грязи в двух шагах от меня.

— Леди Сабина. — Тембр его голоса напоминает грохотание тяжелых камней. — Лорд Риан послал меня сопроводить вас в Дюрен. Сама по себе эта дорога простая, но, учитывая характер поездки, я предполагаю, что у нас могут возникнуть проблемы. Повинуйтесь моим приказам, и я обеспечу вашу безопасность.



Характер поездки. Он имеет в виду тот факт, что меня провезут голой, как младенца, во имя какой-то спящей богини, которой на это наплевать.

Его глаза впиваются в меня, и я сжимаю челюсти в безуспешной попытке усмирить свой гнев. Подчиниться ему? Он незнакомец, но считает, что может мной командовать?

Над головой сгущаются тучи, и мрачная тень поглощает нас.

Это не первый раз, когда мне приказывают повиноваться. В монастыре меня учили послушанию с помощью тяжелого прута. *«Глаза опущены. Губы сжаты. Мысли о Бессмертной Айри».* — Садистский голос Белой матроны до сих пор звенит в моей голове, как и звук церковных колоколов.

Отвлечшись, я провожу средним пальцем по ребрам. Они все еще очень чувствительные, до сих пор еще не зажили.

Певчая птица спускается с крыши и садится мне на плечо. Это поползень. Крошечный, как слива, с мягкими серыми крыльями и черной шапочкой из перьев.

— *Мужайся,* — шепчет он мне.

Благодаря его нежной поддержке я вспоминаю, что нужно дышать.

— *Спасибо, малыш,* — молвлю я в ответ, зная, что он слышит мои мысли так же отчетливо, как и я услышала его послание в своем собственном сознании.

Присутствие птицы напоминает мне, что я больше не заперта в компании жестокосердных женщин. И что в поездке у меня тоже будет друг.

Мист будет рядом со мной.

В конце двора один из конюхов выводит ее на улицу. Она выглядит очень ухоженно. Ее белая шерсть сияет,

как свежевывающий снег, а грива и хвост мягкие, как лебяжий пух.

Снова раздается звон церковных колоколов. *Бонг.*

Время пришло.

Пока конюх ведет Мист, я расстегиваю пояс халата и, заставляя себя дышать ровно, стягиваю ткань с плеч. Руки дрожат, и не только от холода. Сури берет у меня халат и перекидывает его через предплечье, отводя глаза в знак уважения.

После всех трудов по созданию прошлой ночью косы-венца, как у Бессмертных, Сури расплетает ее и начинает расчесывать длинные локоны. Она отделяет и встряхивает каждую прядь, словно расплетает нити тканого ковра. Затем она с особой тщательностью расправляет их, стараясь прикрыть мою обнаженную грудь и ложбинку между ног, дабы придать моему виду скромности.

— Видишь? Я же говорила, что после косы будут красивые густые волны. Выглядит так, будто ты все еще одета! — улыбается она с наигранным оптимизмом.

Ну ладно. Неплохая попытка.

Подняв подбородок, я устремляю острый взгляд на Вульфа Боуборна, человека, который ожидает, что я буду подчиняться ему в течение следующих двадцати одного дня.

— Не смейте смотреть.

Вульф так занят разглядыванием сидящего на моем плече поползня, что я не уверена, слышит ли он меня. Но вот поползень улетает, и глаза Вульфа встречаются с моими. Его взгляд прямой и пронзительный.

Он прочищает горло и резко выражает согласие:

— Я не буду смотреть, леди Сабина.

